# «Я хотел повернуть внимание общества к сельскому хозяйству»

Г.С. Лисичкин, М.Г. Пугачева, С.Ф. Ярмолюк

*Геннадий Степанович Лисичкин*, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

*Марина Геннадиевна Пугачева*, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: puma7@yandex.ru

*Светлана Федоровна Ярмолюк* (1936-2017), кандидат экономических наук, руководитель проекта Института социологии РАН

Публикуемое ниже интервью с Геннадием Степановичем Лисичкиным было взято 1 февраля 1999 года для книги «Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы». Однако нам кажется, что биография этого известного ученого и публициста, тесно связанная с развитием сельского хозяйства СССР в 1950-1970-е годы, будет интересна читателям журнала «Крестьяноведение». Геннадий Степанович в 1953 году, после окончания МГИМО и работы в Министерстве иностранных дел, добровольно поехал в Казахстан и три года был председателем колхоза. В дальнейшем он сотрудник посольства СССР в Югославии, редактор отдела газеты «Известия», экономический обозреватель «Правды». Он — невольный зачинатель общественной дискуссии по экономическим проблемам сельскохозяйственного производства на страницах центральной печати в 1960-е годы (Подборка документов из РГАНИ опубликована в разделе «За рамками экономической дискуссии в печати»)[1].

*Ключевые слова:* Сельское хозяйство, освоение целины, немцы в Казахстане, рыночный социализм, «Известия», экономическая дискуссия

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-159-174

*— Геннадий Степанович, в 1960-е годы вы были известным публицистом-экономистом, возмутителем спокойствия, «подрывавшим» устои общества своими рыночными идеями. Вашу книгу «План и рынок», изданную в то время у нас и за рубежом, одни взахлеб хвалили, другие нещадно ругали, что, собственно, сказа-*

1. Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы / Авторы и исполнители проекта А.И. Волков, М.Г. Пугачева, С.Ф. Ярмолюк. М.: Московская школа политических исследований, 2000. Раздел «За рамками экономической дискуссии в печати» С.474-479.

*лось потом (не лучшим образом) на вашей жизни и научной карьере. Если взглянуть на все это сегодняшними глазами: что вы стремились утвердить, чего добивались — радикальных перемен или определенного совершенствования существовавшей системы?*

— Именно вот это слово — совершенствование — мне больше всего нравится, потому что ни о каком сломе системы, в которой я жил и иной не знал, естественно, и мыслей не было. А если конкретнее — я лично хотел повернуть внимание общества к сельскому хозяйству. Мне казалось тогда, кажется и сейчас, что возрождение России может начаться именно с сельского хозяйства. Понимаю это не так, что нужно лучше сажать картошку, сеять пшеницу и разводить пчел — имеется в виду весь агропромышленный комплекс. Если поднимать сельское хозяйство, то, естественно, нужны трактора, комбайны и заводы, их производящие, необходимы дороги, авиация, химия, короче говоря, такой шлейф к сельскому хозяйству, который вовлекает в себя многое.

Поэтому я считал и сейчас твердо уверен, что Россия начнет возрождаться, если сельское хозяйство поставить в то положение, в котором вчера находился военно-промышленный комплекс. Когда будем давать туда столько, сколько получал он, тогда и начнется подъем. Говоря «давать столько», я имею в виду не только капитал, не только железки. Лучшие умы, которые имелись на Руси, были сосредоточены именно там, в ВПК. Там был Курчатов, там был Сахаров, там были имена, которых мы и не знали (нам было не положено). Уже много позже стали узнавать, какие же это были крупные ученые. Потому и возрождение села, развитие всего агрокомплекса видится мне прежде всего как абсорбция лучших умов. Если посмотреть на все германии, на все японии — там тоже всё начиналось с сельского хозяйства. И стратегическая независимость, безопасность начинается с того, что в стране есть элементарное количество картошки, хлеба, молока, мяса. Вся экономика может выстроиться под сельское хозяйство...

*— Ну, уж вам ли не знать, кем только и сколько у нас не говорилось об этом. Селу надо помочь, его надо «вытащить», «возродить». Возьмите Хрущева, с чего он начал: сентябрьский пленум 1953 года — о подъеме сельского хозяйства.*

— Я ведь говорю не о лозунгах, которых, конечно, было достаточно. А почему все превращалось в лозунги? Потому что два арбуза в одной руке удержать невозможно. Или ты развиваешь военно-промышленный комплекс, поскольку решил «закопать капитализм», да еще миллионы отдаешь на строительство мирового социализма, на подъем экономики Анголы, Кубы, Вьетнама и так далее, или развиваешь свое сельское хозяйство. У нас на него всегда не хватало средств. Всегда сельское хозяйство в иерархии расходов было в конце. Это первое. А второе — даже тогда, когда деньги давали (а их все-таки давали, и значительно больше, чем сейчас), они бестолково использовались. Для наглядности, я помню, мы об-

ратились тогда в газете к знаменитой «бочке Либиха», даже изобразили ее. Немецкий ученый лет двести тому назад сказал, что если в бочке не хватает одной дощечки, или как там ее называют, то вся вода, сколько бы ты ни лил, вытечет. На каком уровне сломано это одно звено, до этого уровня в бочке и сохранится вода, если даже другие звенья окажутся выше. Либих говорил это применительно к агрохимии, но ведь в экономике то же самое. Все затраты должны быть увязаны друг с другом и «упакованы» в одну коробочку, которая называется «предприятие сельского хозяйства». А этого не было тогда, тем более нет сейчас. Всегда у нас та «бочка» была с огромной дырой.

*— Насколько известно, в свое время вы были председателем колхоза, так что все это познавали на практике. А как случилось, что вы, выпускник престижного МГИМО, стали председателем?*

— Молод был (мне было 24 года), жизни не знал и был донельзя политизирован. Мне казалось, что если только поехать в село и быть честным и добросовестным, то все можно там наладить. Но за три года, пока работал в колхозе, я прозрел, увидел, что там работают люди, которые всего-навсего в 10, 20, 30 раз умнее меня, грамотнее меня, если брать не число прочитанных книг, не то, насколько они знают Шекспира и Гёте, а вполне практичные вещи. Когда я все это осознал, когда понял, что этих умных людей просто никто не слышит, потому что не хочет слушать, тогда начал понимать и многое другое.

*— На этой основе и формировались ваши взгляды?*

— Конечно, первое — те догматические вещи, которые дал мне Институт международных отношений. Я был очень политизирован, как уже сказал. И когда попал в реальную жизнь, в колхоз...

*— Но почему вдруг колхоз в Казахстане?*

— Потому что я в свое время читал «Как закалялась сталь» и все такое прочее. А тут 55-й год, освоение целины. Все мы были воспитаны в том духе. Сейчас всё кажется идиотизмом. Но мне, конечно, повезло, потому что проходить такую школу надо именно в этом возрасте — 24-25 лет. Впереди разгон, еще есть время, когда умуразуму можно учиться. И моими воспитателями были те люди, которыми там был окружен. Единственное мое спасение, что у меня чутье было: я окружил себя очень мощными людьми. Бывший председатель колхоза немец Вильвер. Я преклоняюсь перед ним, потому что вместо того, чтобы как-то ревновать — все же я сел на его место — он стал моей правой рукой. Потом Беллер, тоже немец, он стал моей левой рукой. Эти люди по-настоящему болели за производство и понимали его. А мне хватило ума просто их слушаться. Потому я и смог справиться, удержался, и в общем-то успешно.

*— Это был немецкий колхоз?*

— Я там изучил не только экономику, но и то, как советская власть решила национальный вопрос. Он был, как известно, решен «окончательно и бесповоротно». В колхозе, где я работал, одно село

было немецкое, одно украинское, одно наполовину немецкое, наполовину чеченское. Как-то меня пригласили в Алма-Ату, наградили орденом. Только его вручили, вызывают прямо со сцены за кулисы. Думаю, чего это там, не дали даже на свое место сесть. А мне говорят: «Вы знаете, у вас дома несчастье». Господи, думаю, неужели жена, ребенок. Нет, резня. Зарезали моего заместителя Матвея Дуккарта. Чеченцы. Одного чеченца застрелили. Но сами чеченцы, как чеченцы, были не виноваты в случившемся — обычная пьяная молодежная драка. Когда я приехал на место, именно чеченцы помогли мне успокоить село. Именно в те годы я получал закалку и выработал взгляд, компромиссный, на национальный вопрос.

Благодарен жизни, что прошел эту школу. Если бы шел традиционным путем — а у меня тогда уже был диппаспорт, я был назначен пресс-атташе в Копенгаген — жил бы как у Христа за пазухой. И, конечно, плохо бы кончил... Так что я считаю, академию я прошел в колхозе. Там же написал диссертацию. Потом окончил аспирантуру, вернулся в МИД, и мне предложили два варианта. Первый — ехать в ООН, в Женеву. Недурно, прямо скажу. Перед этим я побывал там, и Женевское озеро мне понравилось, и климат, а от магазинов я вообще обалдел, долго потом лечился, но все-таки вылечился. И еще предложили Югославию.

Я предпочел Югославию, хотя, конечно, это менее, как говорят, «ситуированно». Но мне хотелось посмотреть эту страну, потому что уже знал кое-что о ней. И это была вторая моя академия. Югославы находились в оппозиции к нам и были более раскованны. Именно там, а не здесь, я познакомился с нашими экономистами 20-х годов. Там я прочитал, кто такой Юровский, его книги, узнал, кто такой Кондратьев. И мои поездки по сельскохозяйственным предприятиям... У меня были исключительные возможности, я всю страну объездил. Быстро освоил язык, поэтому югославская теория и мечта о самоуправлении стали мне тоже интересны и близки.

*— У них ведь тоже тогда шла речь о совершенствовании социализма?*

— Да, но у них уже слово «рынок» не было ругательством, сочетание «рыночный социализм», которое у нас было запрещено до — даже не знаю, до какого времени, фактически до перестройки — у них стало ключевым. Я наблюдал, как они ломали себя, потому что их руководство было коммунистическим похлеще нашего. Как только они поссорились со Сталиным, провели такую коллективизацию (чтобы доказать, что они-то и есть настоящие коммунисты), которая не снилась даже Сталину. Но поскольку страна поменьше и победнее, и Сибири нет, куда ссылать кулачество как класс...

*— А если говорить о теории, вы там имели возможность почитать то, чего у нас не было. Кто вас привлекал тогда — классики (Кейнс, Самюэльсон), либо соцстрановские экономисты? Кто, как вы сами считаете, повлиял на вас в большей мере?*

— Советские экономисты 20-х годов, именно они. Дальше — югославские экономисты, начиная с Бориса Кидрича, одного из крупнейших теоретиков, который тоже шел не от схем, а от жизни. Он впервые, в 51-ом (если не ошибаюсь) году опубликовал тезисы о товарном производстве при социализме, которые потрясли меня и пересорили наших ученых с их учеными. Вот от Кидрича и, конечно, Карделя начинается дискуссия. Она меня очень увлекла. Дальше — Самарджиа, с ним я часто встречался, это были неформальные беседы, открывавшие новый взгляд на многие вещи. Ну, и плюс, как уже говорил, поездки по совхозам, которые подтверждали мои догадки о том, что если всю технологию производства продуктов «упаковать» в предприятие, то будет очень большой эффект. Появились мои статьи (под псевдонимом), целые полосы вышли в «Сельской жизни» о комбинате «Београд» под Белградом, где как раз была осуществлена эта идея. Когда я спрашивал, почему у вас в пять раз выше все показатели, чем у частников, а у нас — наоборот, они говорили: естественно, частник же не может вести на своем огородике, на своей парцеле, даже на своих 10 гектарах, скажем, селекционную работу; она должна быть вынесена за скобки, этим благородным, но нерентабельным, некоммерческим делом должен заниматься кто-то другой. Тогда я понял, что не форма собственности — главное в решении проблем этой самой трудной отрасли производства.

*— И вот с этим всем вы пришли в газету. Как это, кстати, произошло?*

— Приехала в Белград наша высокая делегация, я был включен в команду, которая ее обслуживала. Тогда и познакомился с четой Аджубеев. Когда уже кончался визит, с ними установились какие-то отношения на почве обсуждения тех же сельских проблем (Рада этим тоже интересовалась). Потом мне поступил сигнал от моего друга, корреспондента «Известий» В. Кривошеева: тебя ждет Аджубей. Я испереживался, исхудал — и хочется, и колется... А в посольстве, чувствую, дипломатическая карьера, чиновничья — не моё. Очень остро почувствовал. Из-за моих симпатий к Югославии мне сразу стали «клеить» всякие ярлычки, а я по-прежнему оставался дурачком: то, что думал, на закрытых совещаниях и говорил. Когда приехал в отпуск, Аджубей предложил стать редактором отдела сельского хозяйства, обещал и квартиру (а у меня двое детей, жилья нет). И я дал согласие.

*— А такой аргумент, что это дело полезное, что есть возможность и высказать свои взгляды и найти новых сторонников — не выдвигался?*

— Да, конечно. Та же юношеская мечта. Если уж я в колхоз поехал, отказавшись от диппаспорта, то хотелось и продолжить. «Мужик, что бык: втемяшится в башку какая блажь, колом её оттудова не выпрешь — упирается»... Вот уж действительно. Не то, чтобы я сразу рубашку рванул на себе, все бросил, лишь бы пойти в народ — нет. Просто сошлось несколько факторов.

*— А наука тогда вас не привлекала? Не она была на горизонте?*

— Нет. И на горизонте не было. Я кандидатскую защитил, ну и все. Мне очень понравилось в «Известиях», очень понравилась журналистская работа. Ездил по всей стране, собирал материал, с запалом писал, «проталкивал» на полосу. И меня это полностью удовлетворяло.

*— Проводя свои идеи, на кого вы опирались (и в редакции и вне ее)? Какой был резонанс от выступлений в газете? Аграновский, скажем, очень большое значение придавал откликам на свои очерки.*

— Что касается сторонников в редакции, то произошла совершенно невероятная вещь. Ведь любой коллектив со сложившейся структурой трудно принимает «новенького», часто отталкивает его. А тут еще такая заметная должность, весьма заметная, как редактор отдела правительственной газеты. Тем более аджубеевской. Но меня хорошо приняли. Опирался я в первую очередь, конечно, вот на таких людей, как Анатолий Аграновский. Как ни странно, мне важно было и много давало общение с людьми, которые очень далеки от экономики сельского хозяйства: Лордкипанидзе, Исмаилова, писавшие о театре, Друзенко, Лацис — «промышленники». И постоянные контакты, и мимолетные даже разговоры подзаряжали. Можно было себя проверить.

И самый тесный «союз» был у нас с Александром Волковым, тогда собственным корреспондентом «Известий». Первое знакомство состоялось заочное: я прочитал его «Поднять или приподнять?» — это была статья! — и понял, что мы единомышленники. А потом пошли наши многочасовые разговоры и о сельском хозяйстве, и о теории, и обо всем на свете. Я-то по природе своей не редактор, любил писать и к чужому письму относился как к чужому. А он — редактор, и над чужими материалами работал как над своими. У нас получилось удачное сочетание: при общем «тяготении» к селу мы сверяли свою практику, свои выводы из нее (он тоже приехал не «с асфальта»).

А сторонники и опора за рамками редакции — это председатели колхозов, другие люди, производственники, с которыми я встречался. По их реакции я чувствовал, что иду в правильном направлении. И разговор — на одном языке. Именно с производственниками, а не с чиновниками. Это естественно. У меня ведь было два искушения в жизни. Первое, как я говорил — когда выложил диппаспорт и поехал в Казахстан. А в Казахстане мне предложили стать кандидатом в члены ЦК компартии Казахстана. Сами понимаете: если бы я в 27 лет стал кандидатом в члены ЦК — открывалась карьера. Но опять-таки Бог меня как-то одернул. Я почувствовал: или нужно «официантом» становиться при властях, «чего изволите», или шагать по головам, не оглядываясь. Тогда я в аспирантуру и уехал. Ну, и тоже надо было найти в себе силы, когда к Аджубею ушел, бросив дипломатическую работу второй раз... Иногда нужно себя ломать, хотя это очень трудно.

*— Что вам памятно из того, что удалось сделать в «Известиях»?*

— Первую головомойку я получил за статью, которую мы опубликовали вместе с Доленко, корреспондентом «Известий» по Украине. Мы рассказывали о знаменитом крымском колхозе, о его председателе Герое Социалистического Труда Егудине, и из нашего рассказа следовало, какое сильное это хозяйство, как разумно оно организовано и какой разумный герой Егудин. И я там написал: «Считается, что этот колхоз будто якобы низшая форма собственности». Это «будто якобы» — мое природное ехидство проскочило каким-то образом, заместитель главного не заметил, что я подверг сомнению «высшую» форму, государственную, и в итоге мне было сделано очень резкое замечание как редактору. После этого я «озверел» и опубликовал статью «Жизнь вносит поправки» в 65-м году, в № 49 «Известий» (я сейчас, перед беседой, перебирал свои вырезки, уточнил). Там уже был поставлен вопрос о товарном производстве при социализме, о регулирующей роли закона стоимости. Толкунов, главный в то время, еще до публикации сказал: «Первое. Получи поддержку, поезжай к академику Румянцеву». Ну, он не просто академик, а — все знают — вчерашний «агитпроп». Я приехал, он посмотрел статью; понимая, чем это грозит, очень топтался, топтался, но в конце концов поставил визу. Толкунов предупредил: «Я печатаю статью, только ты готовься к тому, что тебе будет очень плохо. Если хочешь, сними сразу». Но Румянцев же поддержал, снимать не буду. «Тогда пеняй на себя. Если смогу, помогу как-то из этого вылезти»...

Я, конечно, не думал, что будет такой резонанс, просто взрыв, обвал. Масса писем посыпалась.

*— От кого? Председателей, ученых?*

— В первую очередь, естественно, от председателей, бригадиров, всех, кто «на земле». Это меня, конечно, окрылило. А ученые как ученые — на дух не приняли, отвергли. И в том же году в № 64 появилась статья «Что регулирует производство? В чем не прав Геннадий Лисичкин». Подписали ее Атлас, Злобин, Винокур, Кадышев... Имена по тем временам сильные. Они меня просто растоптали. В «Известиях», в моей газете. Дискуссия есть дискуссия. Но ведь тут надо еще отдавать себе отчет: Аджубей ушел, Хрущев ушел, наступил период, когда многое было неустойчивым. Период поиска путей. В этой сумятице можно было что-то и «вякнуть». Поэтому мне дали «вякнуть», то есть я им ответил, потом они выступили еще раз. Я поехал к Л.А. Леонтьеву, и он опубликовал статью в № 67 «В чем суть спора? Ответ критикам статьи «Жизнь вносит поправки», где в значительной степени, процентов на 90 с лишним, встал на мою сторону. Тот Леонтьев, который прошел школу 20-х годов, был бит-перебит, и Хмельницкая, его жена, тоже — все нахлебались по тем временам.

*— Он тогда где работал?*

— В Институте экономики АН СССР, она — у Арзуманяна, в Институте мировой экономики и международных отношений. Потом выступил Кронрод, который пытался пройти где-то посредине, но по сути — больше против. По крайней мере хоть вежливо. Дискуссия в целом получилась громкая, заметная. Но меня уже несло, я сразу сел писать книжку «План и рынок». Один из аспирантов, с которым я кончал институт, В. Морозов, позвонил мне во время этой дискуссии и предложил опубликоваться в издательстве «Экономика». Книжке дали «зеленую улицу», она вышла небывало быстро по тем временам. И вот уж тут началось...

*— Геннадий Степанович, а вы считаете нормальным, что, собственно, научная дискуссия шла на страницах газеты «Известия»?*

— Я считаю, что это очень хорошо.

*— А почему именно так? Шла ли подобная дискуссия внутри академических институтов или в университете? Почему она не велась в специализированных журналах?*

— Это невозможно было. С такой статьей я не мог прийти, скажем, в «Вопросы экономики» или в любой печатный орган, который находился под наблюдением ученых. Ведь ученые — самые нетерпимые люди, потому что каждый (и это так и положено) считает себя носителем истины в конечной инстанции. Все статьи обычно рассылаются членам редколлегии. Предположим, пришла бы моя статья Гатовскому, директору Института экономики, или тому же Кронроду — они бы ни за что её не пропустили, ибо это не соответствует их убеждениям. И к тому же — официальной доктрине. Поэтому инициатором такой «драки» мог быть только человек со стороны, и не специальный журнал, а газета, редактор которой на что-то решился. Умные люди говорят: «Это слишком серьезный вопрос для того, чтобы поручать его решать специалистам». По-моему, прекрасно сказано. Вот я и был тем дилетантом — чуть-чуть того поглядел, этого почитал — плюс газета, которая имеет мощный резонанс. Я безумно благодарен такому стечению обстоятельств — в «Известиях» я мог начать разговор, который послужил основой книжки «План и рынок». А дальше... Сейчас мне даже немного обидно, что «План и рынок» знают и помнят, а сам я считаю, что гораздо лучше была следующая моя книга — «Что человеку надо?». Она уже не получила такого отзвука. Наступило другое время. Её, кстати, уже почти под нож пустили в издательстве, по указанию свыше. Слава Богу, в ЦК нашелся человек, который сказал: «Ну, сделайте небольшим тиражом, по-тихому пропустите её».

*— Вам кажется, что именно момент играл решающую роль?*

— Конечно. «Дорога ложка к обеду».

*— Вы писали о законе стоимости, спорили о его регулирующей роли. Вы уверены, что те же бригадиры и председатели, которые присылали свои письма, понимали все это?*

— Я как раз писал бытовым языком, на примерах, на пальцах объяснял, что почему. Закон стоимости — это паритет цен, это сколько стоит комбайн и сколько — литр молока. Это — сколько надо отдать гектаров пшеницы за одно колесо какого-нибудь «Кировца». Они это все прекрасно схватывали, сразу на это реагировали. Но, честно говоря, когда я писал статью, вряд ли думал, на какого читателя рассчитываю. Больше всего думал о том, как выйти на полосу. А по существу для меня это значило — «пройти Кирклисову». Она была редактором в секретариате «Известий», очень уважаемым и компетентным. И важна была прежде всего ее оценка: это читается или нет? Пусть ты пишешь правильные и нужные вещи, но если это такая «тягомотина», что не продерешься и через первый абзац... Пройти строгую в этом смысле Кирклисову — было большое дело.

Потом, после «Плана и рынка», у меня в «Новом мире» пошла серия статей.

— *Почему именно в «Новом мире»?*

— Потому что территориально «Известия» и «Новый мир» были соседями. Ну, и потому, конечно, что там уже был Хитров (мы с ним работали в «Известиях»), я был уже знаком с Лакшиным — в общем, тем людям, которые там работали, я симпатизировал. Я не был регулярным читателем «Нового мира». «Иван Денисович» до меня еще не дошел. Твардовский для меня тоже еще не был общественным авторитетом. Для меня был авторитетом Ефим Дорош, который печатал в журнале свой «Деревенский дневник», и когда проходил там мой текст с таблицами (что для них было непривычно), то самым большим моим защитником как раз оказался Дорош.

А обстановка между тем менялась быстро. Ведь когда вышла моя книжка о плане и рынке, ее запросили в ЦК, обратили на нее внимание и в общем отнеслись положительно. Там, повторю, еще шел поиск, пока ничего не устоялось. Ну, а позднее уже начался откат. И я в «Известиях» как-то «завис». Уже за мной числилось немало «провинностей», начиная с крымской статьи. И кому-то было не совсем понятно, почему меня взял Аджубей, ставленник я его или не ставленник. Вот и в «Новом мире» стал печататься, что не поощрялось. Много накопилось отрицательных моментов. Тогда меня стали «соборовать» корреспондентом «Известий» в мою любимую Югославию. Мне больше подходило остаться здесь, хотя, конечно, Югославия тоже привлекала. Но меня пригласили в «Правду» (там сменилось руководство), а когда я согласился, позволили очень активно работать.

Так получилось, что к нам приехал чешский экономист О.Шик, я с ним общался, это было на виду; Шик пригласил меня на очень представительный форум рыночников всех соцстран. Проходил он в Праге, там была рыночная элита, только-только нарождавшаяся — венгерская, польская. И там, в Праге, перевели сразу на чешский и словацкий языки «План и рынок». В «Руде право», в дру-

гих газетах — комментарии. Моя книжка стала для них как бы зацепкой: не такие уж мы, мол, отщепенцы, вот смотрите — и в Советском Союзе есть люди, мыслящие так же. А потом оккупация. Я в это время от «Правды» был в командировке на Алтае. Когда услышал, что вошли войска, сразу понял, что последует. Меня вызвал Зимянин: «Я тебя не гоню, все, что ты публиковал в «Правде», абсолютно правильно. Никаких здесь претензий не может быть. Но печатать не буду». Я сказал, что все понял. И стал искать, куда податься...

*— Как известно, вы работали потом в научных институтах, стали доктором экономических наук и продолжали выступать в массовой прессе. Это оставалось потребностью? Необходимостью? Интересно узнать ваше мнение о связях науки и журналистики, насколько они были и могут быть плодотворными?*

— Разная была наука. И та, что обращалась к людям с предложениями, как улучшить и экономику, и жизнь вообще. Она сотрудничала с газетами. И та, что была замкнута в себе, здесь были отработаны свой язык, высокомерное отношение к журналистам. А писали нечто совершенно оторванное от жизни. Для меня такой яркий пример — книга «Труд» Чангли. Маркс написал «Капитал», а она — «Труд»... По сю пору я ощущаю себя чужаком в этой среде — другой язык, другие совершенно задачи. «Чистая» наука. На кого ты работаешь при этом? Для чего? Защита диссертации — ритуал. Я сижу на ученом совете и заранее знаю, как это будет — кто выступит, как выступит, все ранжировано, все отзывы получены, слова, какие должны быть, написаны. Если ты напишешь не теми словами, тогда не здесь, так в ВАКе тебя «зарежут».

*— И вы не допускаете, Геннадий Степанович, что может быть крупный ученый, скажем, в области теории социологии?*

— Ну, естественно — и может, и есть. Вопрос в том, что такое «ученый» и «не ученый». Тут у меня на полке Николай Бердяев, «Вехи» — это же написано по-человечески. Вот это для меня — наука, вот это — апелляция к людям, по тем проблемам, которые реально существуют. Когда я читаю Маркса и Энгельса, я забываю, наука это или не наука. Это –публицистика.

*— «Капитал» Маркса — публицистика?*

— Нет, все остальное. Кстати, он его писал, писал, а потом в конце концов забросил и перед смертью все-таки от «Капитала» отказался. Вот пожалуйста, я вам зачитаю (берет книгу — *прим. ред.*): «История показала, что и мы, и все мыслящие подобно нам были не правы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства». Основа, на которой происходило его развитие, «обладала еще очень большой способностью к расширению». Вот что, перечеркнув «Капитал» и тем более «Коммунистический Манифест», Энгельс, будучи предпринимателем, бизнесменом, сказал, оглядев-

шись: «Ничего подобного, никакая не последняя стадия». Но эти слова, хотя они существуют, нигде же не приводились. «Маркс сказал, Энгельс сказал»... А то, *что* они сказали, кроме Чапаева и Суслова никто не читал. Никто же не читал Маркса! Тогда, не читая, на него ссылались, теперь бездумно и легкомысленно от него отказались.

И второе. Общественные науки (и философия в том числе, и социология, и экономика) были уничтожены, расстреляны. Только сейчас начинается зарождение общественных наук, потому что наука не может быть только советской, нужно соприкоснуться с «той» наукой, а мы от нее были отрезаны начисто.

*— В 60-е годы некоторые были знакомы с западной социологией.*

— Если ты и знаком с западной социологией, то для тебя есть одно направление — критика буржуазных теорий. Да и тут внимательно смотрели, как ты их подаешь. Следили и сразу (по себе знаю): «А, это ты протаскиваешь рыночный социализм!» Так же, как в предвоенное время: если ты, критикуя фашизм, будешь цитировать ту же «Майн кампф», — это преступление. Это ты таким образом пытаешься познакомить читателя с подлинниками и заронить в душу сомнение.

*— Почему все-таки вас лично, Геннадий Степанович, постоянно «рубили», в чем-то вам отказывали и т. д.?*

— И считаю, что они правы абсолютно.

*— Они?*

— Те, кто и сейчас у власти. Ведь начиная с 17-го года все больше и больше власть брали и окончательно взяли бывшие полухозяева, теперь они стали хозяевами. Я написал об этом в книге «Есть ли будущее у России» (М., 1996). Специальная глава: «Когда полухозяин становится хозяином». Дело в том, что Россия — страна чиновничья. В свое время раньше всех нас суть их власти осознал Джилас, когда написал «Новый класс». Чиновник (тот же секретарь обкома), с одной стороны, имел огромную власть, материальное благополучие, но, с другой стороны, это не передашь по наследству, а в любую минуту, если окажешься не угоден высшему начальству, тебя могут лишить всего. Переход к рыночному хозяйству — это вызов, это открытая борьба против чиновничества. Если все можно купить, все можно продать и не спрашивать, как, если еще и открыться мировому рынку — куда чиновнику деться? Чиновнику нужно сохранить право подпустить меня к трубе или не подпустить, дать лицензию или не дать, установить такие налоги или другие. Поэтому у нас идет настоящая гражданская война между рыночниками, которые хотят вот этой свободы и независимости от чиновников, и чиновниками. Они тогда, в 60-х годах, прекрасно сознавали, чем им грозит рынок. И сейчас сознают. Если отдать землю (не будем говорить, каким образом) крестьянам, что чиновнику останется? Ведь сейчас даже для того, чтобы получить участок для дачи, огромные деньги, половину своих рас-

ходов нужно отдать чиновнику. Поэтому борьба идет не на жизнь, а на смерть. И смотрите, как они все поднялись, как грибы после дождя. Почему? Потому что чиновник сейчас имеет бóльшую силу, чем при Сталине, чем при Брежневе и Горбачеве. Поэтому и рыночной экономики, понимаемой всерьез, у нас так и нет, у нас она олигархическая.

Вот я и считаю, что они правомерно тогда боролись и сейчас борются за свое выживание, со всеми опасностями, которые встречаются на их пути. И становятся из полухозяев полными хозяевами, когда свою чиновничью власть соединяют с собственностью.

*— Значит, вы оказались побежденным?*

— Ну, я «один из». Причем еще наиболее удачливый, как-то все время выкручивался. А что случилось с Леном Карпинским? С Леней Кассировым? С Венжером? Что с многими другими, которые «высовывались», а «высовываться» было нельзя? Когда в 40-х годах опубликовали данные нашего отставания от сельского хозяйства США, «погорела» целая группа ученых. И все затаились, стали бормотать то, что от них ждали. Или уходили в другую отрасль. Поэтому я и считаю, что весьма успешно продержался в «своем окопе», а масса людей вообще не имели возможности высказаться, не защитили диссертации, потому что выходили с гораздо более смелыми, может быть, решениями. Скажем, докторскую диссертацию, которую я защитил — третью по счету — мне противно взять в руки. Уже потому, что когда мне сказали: «Ну, ладно, пропустим» — я тяп-ляп что-то сделал, на их языке, под их требования. По сравнению с теми двумя диссертациями, которые написал раньше, еще с верой во что-то, она намного слабее. Но почему все же защищал? Потому что когда идет молодой человек с лейтенантскими погонами, это хорошо, но когда идет обрюзгший пятидесятилетний дяденька и у него лейтенантские погоны, всегда хочется подать копеечку. Если уж оставаться в науке, то надо какой-то элементарный статус обрести, хочешь — не хочешь. Это была своего рода плата за то, что мне удалось сделать в прессе в 60-е годы. Что чего стоит — сейчас сказать трудно. Но думаю, что в целом многие ученые и многие журналисты что-то заронили тогда в сознание людей.

*— Можно ли сказать, что уже тогда, в 60-е, шла или началась борьба за самостоятельную роль прессы в обществе, за право журналистов писать то, что они думают, как понимают события?*

— Может быть, каждый отстаивал такое свое право. Была и солидарность журналистов. Но была и полная ясность, что никакая независимость невозможна. Маневрировали в рамках допустимого. И ЦК КПСС заботился, чтобы каждый нес ответственность не только за себя, но и за коллегу, за подчиненного, вот за ту самую солидарность. Карпинский допустил такие-то ошибки, а Торсуев не прореагировал вовремя и задержался на пять минут с вынесением ему выговора. Что сделали с Карпинским, знаете -–исклю-

чили из партии, оставили без работы. А что сделали с Торсуевым? Из директоров издательства вылетел мигом и стал чуть ли не экскурсоводом на ВДНХ. За что? За отсутствие бдительности. Везде действовал этот принцип: если ты не заклевал, если ты просмотрел, погибай вместе с тем, кто «провинился». Поэтому мы прекрасно знаем всех тех редакторов, которые, если «надо», сразу найдут крамолу. Я прекрасно помню одного такого. Передовицу даже напишешь — моментально выискивает строчку... Там 200-300 строк, а он обязательно найдет ту, которую я специально вписал: ну-ка, интересно, пройдет — не пройдет. Нет, не прошла.

*— В журналистике всегда были разные люди: один «пробивает» свои идеи, переживает за каждый абзац, который вычеркнули, а другой заметку напишет, гонорар получит, и это его вполне устраивает. Вам, наверное, тоже приходилось это наблюдать?*

— Ну, тут уже действуют свои ценности. Может, совесть, а может быть, гражданская совесть. Чего не хватало, скажем, Чаадаеву? Жил бы себе и жил. А чего Герцен там маялся? Как-то я читал Поршнева, он выдвинул теорию, согласно которой все люди только кажутся одинаковыми, потому что у нас две руки, две ноги, два глаза, а на самом деле мы произошли от разных животных. Одни — от хищников, вот волки бегают, тигры, готовы любого разорвать. Среди них ходят шакалы. Это другая порода. Есть еще овцы. Куда их погонят, туда они и пойдут. И есть элита, интеллектуалы типа Сахарова, Коперника, Джордано Бруно, Микеланджело, Рублева... Их единицы. Мне это показалось справедливым. Потому что, например, я не могу убить человека, а другому, кажется, — раз плюнуть. Я не могу сделать массу вещей, которые сейчас делают очень близкие наши знакомые. А я прихожу больной совершенно от этого, жалуюсь жене, как будто она что-нибудь в силах изменить: «Как это можно, как это можно?!» А можно, можно. А потом встречаешься с человеком, он смотрит в глаза. Мне неудобно за то, что он сделал. А он — ничего, общается со мной: «Ну, как живешь?». Так что, я думаю, это — ДНК виновата.

*— Но вот социологи задаются вопросом: «Кто и как конструирует наше сознание?» Пресса, на ваш взгляд, входит в этот ряд? Какое вы ей отводите место?*

— Я думаю, в основном сознание все-таки формирует жизнь. Вся, в целом. Мы в какой-то степени помогаем людям, если нам удается сообщить: «Ребята, там рифы есть, осторожнее». Это максимум, что мы можем сделать. Но люди все равно плывут, тонут, бьются об эти рифы, а потом вспоминают: «Вот был голос, между прочим, правильный. Нас предупреждали, что есть рифы». Наша задача, я думаю, заключается в том, чтобы уметь выбирать трезвые голоса из шума толпы, которая мчится куда-то — между прочим, никто не знает, куда она мчится. Но созидательные натуры должны получить при помощи прессы возможность услышать то, что кажется трезвыми голосами. И в общем — это получается в конце кон-

цов. Когда вот «Вехи» написали об интеллигенции — «Из глубин»? До меня лишь сейчас это дошло (только появились книжки, раньше они были в спецфондах). Теперь я читаю и чувствую: значит, я не столь уж заблудился, если люди так же думали столько лет назад. А я просто их продолжаю и не чувствую себя одиноким. И начинаю думать, что, наверное, я на правильном пути.

*— Сейчас много говорят о шестидесятниках, они мол, были романтики, жили иллюзиями... Интересно в этой связи ваше мнение: хотя бы в какой-то мере сказалась реально во времена перестройки та ваша борьба за экономические реформы, за рынок?*

— Сказалась, несомненно, сказалась. Конечно, в русском характере — нигилизм, «иваны, не помнящие родства». Мы не знаем своих предшественников, предпочитаем все открывать заново. У меня же иногда опускаются руки: «Но ведь это все давно написано, только гораздо лучше и более аргументированно». Теперь я могу только проиллюстрировать эти мысли еще и нашими примерами, не только времен революции 1905 года, столыпинской реформы и т. д. Сейчас поджигают хозяйство фермера, тогда — хуторянина, который вышел из общины. К сожалению, происходит то же самое, развитие идет по кругу, а не по спирали. Поэтому мне представляется весьма важным хотя бы уже просвещение наших граждан относительно того, что надо делать в экономике. Чем и занималась пресса в 60-е годы — именно газеты, журналы. Если что-то удавалось и тогда, то теперь возможности совсем другие. Вот у меня лежат «Вопросы философии» (слава Богу, теперь возрождаются и философия и журнал). Много западных авторов, которых раньше было просто невозможно прочесть. И выросли люди, которые не «затюканы». Я вспоминаю того же Льва Абрамовича Леонтьева: он боялся, потому что стольких его коллег и друзей посадили, всех он помнил, как помнил и то, что с ним не здоровались, его сторонились... И авторы, и читатели уже иные.

*— А вы следите за современной прессой? Какое у вас впечатление?*

— Некоторым авторам я просто завидую — их раскованности, глубине анализа. Уровень выше того, что был в нашу пору. Таких авторов, правда, немного, и им не дают разогнаться, потому что во все времена есть спрос на какие-то вещи, которые мне, например, кажутся неинтересными. Многие материалы (я это вижу) написаны по заказу, в коммерческих интересах. Не с общественной точки зрения, и не с государственной даже — государство и общество я все же разделяю, — проталкивают групповые интересы, какие-нибудь «алюминиевые». Коммерциализация очень большая. Как добиться, чтобы пресса стала общественной, а не «газета Березовского», «газета Ходорковского», «канал Лужкова»? «Нет, мы эту статью в «Новых известиях» печатать не будем, потому что здесь есть выпад против предприятий, входящих в группу Березовского». И как преодолеть «моду» среди власть имущих, среди

чиновников на равнодушие? Раньше напечатали и, как правило, рассчитывали на резонанс, отклик, «действенные меры». Сейчас кажется — никто никакого внимания не обращает ни на что. Гордятся даже: про меня пишут, а я не обращаю внимания.

И еще одно: главный редактор крупной газеты все-таки должен быть общественным деятелем. Общественным деятелем, который прошел какую-то школу. И — личностью, а не просто вчерашним бухгалтером. Вот Твардовский много нес людям, много внес в общественное сознание. Вот про «Новый мир» можно сказать, что он конструировал сознание, потому что он создавал критерии современной нравственности, принципы отношения к жизни.

У нас как-то не разделились коммерция и журналистика, они сплошь и рядом — в одном лице. На Западе, например, это четко разделено.

*— Сейчас в любой, наверное, редакции можно услышать, что никому не нужны «кирпичи», то есть крупные аналитические материалы, которые вы всегда и писали. Их время прошло? Газета — царство информации?*

— Не думаю. Во всяком случае, такие мысли не возникают, когда смотришь западную газету, например «Neue Zuricher Zeitung» или «Die Welt». По объему это 40-50 страниц, по уровню материалов — монография. Я знаю, что здесь найду статьи про экономику, про археологию, про искусство. И всё — квалифицированно. И всё — для своего, заинтересованного читателя. Вы дайте мне эти «кирпичи», и я составлю представление, надо ли мне ждать, когда выйдет монография данного автора, да и стоит ли ей выходить (возможно, задуматься над этим будут основания и у самого автора). Газета и журнал оперативнее, они должны иметь свою «площадку».

Как-то редактор английского «Экономиста» сказал, что это журнал «мнений и анализа». В этом качестве он существует много лет. Я бы хотел такой судьбы для наших периодических изданий.

## “I wanted to draw the society’s attention to agriculture”

*Gennady S. Lisichkin*, DSc (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

*Marina G. Pugacheva*, Senior Researcher, Center for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics. Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000. E-mail: puma7@yandex.ru

*Svetlana F. Yarmolyuk* (1936-1917), PhD (Economics), Head of the project, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

This interview with Gennady Stepanovich Lisichkin was taken on February 1, 1999 for the book *Press in Society (1959-2000). Estimates of Journalists and Sociologists. Documents*. We believe that the biography of this famous scholar and publicist, which is closely related to the development of agriculture in the USSR in the 1950-1970s, will

be interesting to the readers of the *Russian Peasant Studies*. In 1953, after graduating from the MGIMO University and working at the Ministry of Foreign Affairs, Gennady Stepanovich voluntarily went to Kazakhstan and was the head of the collective farm for three years. Later he worked at the USSR Embassy in Yugoslavia, as an editor of the department in the *Izvestia* and as an economic observer in the *Pravda*. He was an involuntary initiator of the public discussion on the economic challenges of agricultural production in the central press in the 1960s (a selection of documents from the Russian State Archive of Contemporary History was published in the section "Beyond the Economic Discussion in the Press").

*Key words:* agriculture, virgin lands development, Germans in Kazakhstan, market socialism, *Izvestia*, economic discussion